

СВЕТЛАНА МАКОВЕЦКАЯ,

директор Центра «Гражданского анализа и независимых исследований» (ГРАНИ),

член Совета по развитию институтов гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации

О гуманитарной миссии института Уполномоченного по правам человека

Каким люди видят институт?

Существует несколько взглядов на институт Уполномоченного по правам человека. С одной стороны, в представлениях людей – это такой социальный МЧС. Необходимость этого института возникает, когда возникает человеческая боль, которая, как сейчас уже стало понятно, не всегда совпадает с каноническим представлением о правах человека. Принято думать, что нужно обращаться к уполномоченному, когда люди считают, что есть неправда, несправедливость, кто-то чего-то недополучил. В этом смысле такой собес, без ограничения полномочий. Я бы даже сказала без отраслевых ограничений. Это один вариант.

А второй вариант (и в этом, как мне кажется, была одна из сильных сторон истории Уполномоченных Пермского края), когда тенденции расчеловечивать человека противостоят че-

ловек самостоятельный. И институт омбудсмена включается так, чтобы возможна была самопомощь, чтобы человек, получая поддержку, становился способным быть самостоятельным субъектом в защите своих прав. Чтобы вступаться за усилия самого человека или объединений людей по защите прав человека.

МИССИЯ 1: ПОДДЕРЖИВАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ ВСЕМИ ВОЗМОЖНЫМИ СПОСОБАМИ

Вот эта радость от человека самостоятельного, поддержка человека са-

мостоятельного, развитие сетей поддержки, работающих по принципу «равный – равному», – и есть одна из основ, которая и складывает гуманитарную миссию института Уполномоченного: поддерживать человеческое в человеке всеми возможными способами. В том числе чтобы не обессилевал сам человек, а становился сильнее. И мог сам себя защищать. Инструменты разной правозащиты и распределенности деятельности института существуют для этого. И кстати, если мы посмотрим на тех, кого награждают почетным знаком Уполномоченного, то мы поймем, что там целые линейки людей,

И институт омбудсмена включается так, чтобы возможна была самопомощь, чтобы человек, получая поддержку, становился способным быть самостоятельным субъектом в защите своих прав. Чтобы вступаться за усилия самого человека или объединений людей по защите прав человека.

Как работает принцип «равный – равному»? Сам попробовал, сам постарался победить, и теперь учу другого. И это очень правильная история.

которые являются разнообразными человекозащитниками, реализующими принцип «равный – равному». Как работает принцип «равный – равному»? Сам попробовал, сам постарался победить, и теперь учу другого. И это очень правильная история. Мне кажется, она является воплощением общественного заказа на одну из сторон того, как должен действовать институт уполномоченного. И в этом смысле важная часть деятельности Уполномоченного – выявление и поддержка самоорганизации, некоммерческих организаций, инициативных групп, привлечения людей, которые здесь и сейчас помогают человеку. А затем вовлечение их во взаимодействие с Уполномоченным, заражение их правочеловечностью. Даже если они сначала выступают просто как благотворители. Вот это очень пронзительная вещь. И именно это, как мне кажется, пермскому институту Уполномоченного удавалось, потому что конструкция была такая. Он ведь не является старшим лоббистом интересов НКО. Он усиливает самостоятельные площадки, в которых человек сможет сделаться сильным и заниматься защитой своих прав. Отсюда и просвещение по правам человека, и площадки по осмыслению прав, на которых люди могут самостоятельно объединяться, чтобы потом вместе способствовать усилению гуманитарной среды.

Это два основных вектора. Одни любят думать, что это богоугодность, благотворительность и спасение. А другие, прежде всего, настаивают на содействии института УППЧ в становлении самостоятельности, продуктивных партнерств и гражданском развитии наряду с защитой.

МИССИЯ 2: НЕ ОГОРАЖИВАТЬСЯ, УМЕНИЕ ВЕСТИ ЦЕННОСТНЫЕ ДИСКУССИИ И ПРИ ЭТОМ БЫТЬ ОСТРОСОВРЕМЕННЫМИ

Есть еще один аспект. Он был довольно сильно выражен в этом десятилетии. Понимание того, что мир меня-

ется настолько, что важно сохранять права человека как гуманитарные ценности. При этом необходимо совершенно точно понимать, что институт Уполномоченного по правам человека является дискуссионной площадкой, на которой могут обсуждаться ситуации конкуренции между собой разных прав человека. Сейчас мы с этим часто встречаемся. За двадцать лет XXI века, после ситуаций с башнями международного центра в Нью-Йорке, взрывами в России или захвата школы Беслана, изменилось наше мироощущение и изменилось отношение к безопасности. При этом всё равно так или иначе институт Уполномоченных по правам человека может являться еще и своеобразной научно-исследовательской или, как минимум, дискуссионной площадкой. Именно поэтому часто проводятся всяческие конференции. Вот у нас была, к примеру, конференция про права человека в условиях модернизации России. Важно, что на таких конференциях можно содержательно и «открыв забрало» дискутировать о том, что на других площадках воспринимается как покушение на ценности и на святости. И вот эта готовность не огорчаться, умение вести ценностные дискуссии и при этом быть остросовременными – это еще одна из гуманитарных миссий института Уполномоченного по правам человека. И кстати, мы видим специфику разных региональных институтов Уполномоченных: у одних есть эта академическая, проектная и дискуссионная составляющая, а у других – нет. У других, прежде всего, защитная.

Он усиливает самостоятельные площадки, в которых человек сможет сделаться сильным и заниматься защитой своих прав. Отсюда и просвещение по правам человека, и площадки по осмыслению прав, на которых люди могут самостоятельно объединяться, чтобы потом вместе способствовать усилению гуманитарной среды.

МИССИЯ 3: ЧТО ТАКОЕ ФОРМУЛА И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Одна из гуманитарных миссий – это разобраться с тем, что такое формула и содержание прав человека в современном мире. Как действовать государственным и негосударственным институтам в той ситуации, когда не просто конфликтуют отдельные права, но когда ооновская формулировка подвергается критике, как не в полной мере соответствующая актуальному запросу в обеспечении человеческого достоинства? Как действовать, когда право на информацию наталкивается на сопротивление человека безнадёжным вываливанием на него разнообразной и «плохо промешанной» информации в соответствии с «буквой»? Это, кстати, общая проблема и один из вызовов коммуникационной революции, которая революционизировала каналы передачи информации и не революционизировала её содержание. О содержании же тоже кто-то думать должен? Я думаю, что конференции, круглые столы, дискуссионные площадки, поддержка ученых в сфере прав человека, взаимодействие их между собой – это одна из составляющих гуманитарной миссии института омбудсмана, которая позволяет, по крайней мере, дать шанс современному толкованию правочеловечности. Отрефлексировать специалистами, понимающими права человека на уровне ценностей, что происходит в мире, и не уйти в жуткое охранительство. Согласитесь, нет ничего страшнее, чем чистые фундаментализм и охранительство в деятельности института Уполномоченного без опоры на современную повестку и проблемы людей. Хотя я так понимаю и вижу, что часто есть стремление уйти в фундаментализм. Причем только в защиту социальных прав.

Нельзя не понимать или закрывать глаза на то, что сейчас права человека конкурируют между собой даже внутри первого поколения прав человека – личных и политических. А среди всех поколений конкуренция еще выше. Очень важная обязанность в данный момент для института Уполномоченного – быть площадкой, чтобы разбираться в этом, понимать, как это работает на уровне институтов обеспечения, защиты, восстановления прав человека. Политическую осторожность и политическую боязнь, которая институту Уполномоченных в разных регионах присуща, одновременно можно рассматривать как попытку обеспечения выживания самого института. У нас в России мутируют все институты. Понятно совершенно, что разные институты Уполномоченного в разных регионах пытаются нащупать

человека. А Уполномоченный, собирая свой доклад, видит много-много конкретных человеческих судеб, конкретных кейсов. Он, разговаривая с государственными институтами, показывает человека, говоря: «Вот так работает ваше полномочие на примере этого человека!» Здесь использование особой оптики, делание государственного воздействия «сораз-

мерным», например, в качественном образовании. Потому что это и есть партнерство, со-ответственность, соучастие в принятии решений! А соединение между собой интересов человека, общественных интересов и государственных полномочий – это один из элементов гуманизации публичного управления и развития самоуправления. Здесь гуманитарная миссия выражается в создании продуктивных партнерств, которые могут решать какие-то проблемы. Часто у власти, образно выражаясь, вместо окна – зеркало. Такой взгляд мешает действовать в интересах человека. По сути доклад Уполномоченного – это демонтаж зеркала и вставление стекла в окно. Фактически, чтобы представители власти увидели, как устроена жизнь. Это гуманитарная миссия.

Нельзя не понимать или закрывать глаза на то, что сейчас права человека конкурируют между собой даже внутри первого поколения прав человека – личных и политических.

свой механизм стойкости, то есть обеспечения гибкости и устойчивости одновременно. Здесь возникают свои крайности. Если ты выбираешь устойчивость, есть риск скатиться в голый фундаментализм, сузить темы и форматы действий и «окуклиться». Если ты гибкий – то возникает угроза соглашательства и аффилированности с органами власти, которые в значительной части проблем неравный по силе противник, противостоящий человеку и воздействующий на него, снижающий защищенность его человеческого достоинства.

МИССИЯ 4: СДЕЛАТЬ ВИДИМЫМ ЧЕЛОВЕКА, СДЕЛАТЬ ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СОРАЗМЕРНОЙ ЧЕЛОВЕКУ

Ещё одна из гуманитарных миссий: это попытка проявить человека, сделать защиту прав человека соразмерной человеку. Почему Уполномоченный по правам человека выпускает свои доклады? Почему он так много работает с государством? Дело в том, что государство и его институты очень часто видят полномочия и не видят

мерным» человеку, привлечение внимания к действиям власти на примерах человеческой судьбы, человеческого достоинства, человеческой жизни, возможности человеческого развития – это одна гуманитарных миссий во взаимодействии с государством. Омбудсмен – институт-шлюз: с одной стороны, он должен разговаривать языком полномочий, а с другой стороны – он разговаривает с людьми и оперирует, прежде всего, пониманиями «достоинство», «справедливость», «правда», «несправедливость», состоянием «мне плохо». И в самых ярких, в самых глубоких проявлениях института Уполномоченного, свидетелем которых я была, складывается ситуация, что вдруг возникает локальный оптимум совпадений интересов, когда Уполномоченному удается убедить орган власти, что это в его интересах иметь самостоятельною человека, семью, заинтересован-

МИССИЯ 5: ПОПЫТКИ ВОЙТИ В ЛЮБОЙ ГОРЯЩИЙ ДОМ, ВСТАТЬ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ ЗАМАХНУВШИМСЯ И ЧЕЛОВЕКОМ ОТШАТНУВШИМСЯ

Очень важны сегодня практики, создающие среду, в которой человеческое достоинство не корчится от того, что агрессии вокруг много и связана она не только с деятельностью органов власти. Это еще одна составляющая. Например, медиация, на которую обращали внимание Уполномоченные, – это про что? Все могут сколько угодно ставить под сомнение практику медиации, и, возможно, мне не вполне нравятся медиаторы, которые сейчас работают, но сам принцип важен! Заключается принцип в том, что у человека должна

Одна из гуманитарных миссий: это попытка проявить человека, сделать защиту прав человека соразмерной человеку.

быть надежда, что кто-нибудь выслушает до конца и при этом не скажет: «Ты слабак, не справишься, и поэтому теперь это мое дело». Ведь по сути решение проблемы всё равно останется делом человека, который пришел за помощью. Медиатор скажет: «Окей, ты ответственный. Теперь мы посмотрим, какую ответственность может взять на себя другая сторона. И мы сядем с тобой вместе и будем с ними разговаривать, потому что мы как альпинисты в одной связке. И единственная возможность самому не сорваться в пропасть – это вытащить и того тоже, потому что мы реально в одной связке». Все эти медиации, посредничества, попытки войти в любой горящий дом, встать между человеком замахнувшимся и человеком отшатнувшимся – это невероятно важная гуманитарная миссия института Уполномоченного по правам человека. Он одновременно является еще одним из держателей, заказчиков на усиление среды, в которой не затухает надежда на достоинство людей разных сторон. Мне кажется, что надежда на человеческое достоинство – одна из важных.

Важная и эффективная практика – общественные диалоги. У института Уполномоченного, поскольку он одновременно и общественный, и государственный институт, у него есть возможность и поводы постоянно включать в общественный оборот

Доклад Уполномоченного – это демонтаж зеркала и вставление стекла в окно.

средства массовой информации, которые не всегда погружены, а иногда и совсем не погружены в проблемы прав человека. Если хорошо работает институт Уполномоченного, то аргумент, что иногда человеку плохо, потому что именно плохо с правами человека, становится убедительным для власти и общества. Плохо бывает не потому, что он бедный, а потому, что права нарушены. Например, плохо не потому, что закрывают молочные кухни, а потому, что даже не посоветовались и не поинтересовались, что случится из-за этого! И человек не реализовал свое право на участие в принятии решений. Человек, может быть, и сам не может сказать, почему ему так плохо от произвола или бездействия, но Уполномоченный, работая со средствами массовой информации в общественных диалогах, может каждый раз добавлять вот этот каркас, эту форму, в которую можно преобразовать раздражение, надежды, страхи, и снова разговаривать чистейшим языком человеческого достоинства. Поступать по-человечески. Мне кажется, что это очень важная гуманитарная вещь. Сегодня у нас перекошенные общественные диалоги! Мы всё время меряемся там позициями, пусть даже в самом лучшем смысле

слова. Институт Уполномоченного меряется не только позициями (позиции там изначально присутствуют: права человека обязательны), но и демонстрирует аргументацию. Можно аргументированно показать: «Человеку плохо оттого, что нарушено его достоинство. И сколько бы вы денег не давали, если вы бросили в лицо эти пять тысяч, две тысячи или тысячу семьсот, он всё равно будет чувствовать неблагополучие. Он даже сказать этого не сможет. Потому что унизили. «Унизили», «не посоветовались», «решили, что я здесь не нужен», «даже не видят таких, как я»... Реакция на это всё – гуманитарная миссия постоянного возвращения к правам человека как к диагнозу, как к лекалу, с которым можно взглянуть на проблему, и тогда можно будет принять решение. Это тоже гуманитарная штука, поскольку она про человека. Всё, что про человека, а не про тренды, тенденции и так далее, – обо всём этом Уполномоченный и говорит. Но глядя на нынешних уполномоченных, создается впечатление, что они закопались в этой безнадежной повседневности. Да, в некоторых случаях человеческие ограничения что-то играют, но в принципе у самого института Уполномоченного и сегодня есть шикарная возможность

говорить про язык прав человека как универсальный язык, объясняющий социальное неблагополучие.

МИССИЯ 6: ДЕЙСТВОВАТЬ И БЫТЬ МАКСИМАЛЬНО ЯСНЫМ + СООТВЕТСТВОВАТЬ ЗАПРОСУ НА ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В ЛЮБОМ АКТУАЛЬНОМ СПОРЕ

Мне кажется, что лапидарный подход к правам человека является мейнстримом. Даже общим местом. У нас чиновники знают слова про права человека, про права пациентов как часть прав человека, права потребителей как часть прав человека, права предпринимателей как часть прав человека, про права социально уязвимых групп как часть прав человека. Об этом у нас все что-то знают. Поэтому все ожидают, что конкретные шаги Уполномоченного совпадут с этими средними представлениями о том, как он должен действовать. А значит, у Уполномоченного есть два варианта: первый – соответствовать этому, или не соответствовать и объяснять, почему ты не соответствуешь, или не соответствовать и противостоять кому-то априори и без объяснений. Соответственно, с моей точки зрения, гуманитарная составляющая связана с тем, что Уполномоченному можно всё равно по-прежнему быть максимально ясным. И люди понимают как должно, иногда просто наблюдая за поведением Уполномоченного. И это так важно, если раз за разом Уполномоченный, сталкиваясь с непониманием, всё равно сохраняет дистанцию, избегая «сваливания» в

ту или иную точку зрения, и при этом старается говорить ясно, определенно, максимально подробно, максимально на языке собеседников, но не оставляя и правочеловечный язык. И при этом всякий раз возвращаться к тому, что он считает важным в смысле толкования – в смысле прав человека. Гуманитарная миссия – быть ясным и объяснять. Люди имеют свои представления о правах человека, и поэтому они предполагают, как должен защищать права человека омбудсмен. Государство полагает, что оно платит деньги бюджетные, поэтому Уполномоченный как минимум должен учитывать бюджетные интересы в защите прав. Международные наблюдатели, международные юристы, они тоже считают, что есть требования к тому, каким должен быть Уполномоченный по правам человека. Есть понимание о некоторых «бриллиантовых» специалитетах деятельности, которой омбудсмен должен заниматься. Должен, например, в понедельник в тюрьмы ходить. Во вторник он должен разбирать проблемы СМИ. В среду он должен посмотреть, насколько суд беспристрастен или насколько людям доступна судебная защита. Четверг – время социальных прав. И вот Уполномоченный занимается социальными правами. А в пятницу рассматривает всё, что другим негоже: занимается приватностью, правом на информацию, еще чем-нибудь, и так далее. Ну есть же такой подход?! Но очень важно, что раз все институты сейчас так или иначе изменяются, то точно, чему должен соответствовать Уполномоченный – он должен прежде всего соответствовать запросу на

защиту человеческого достоинства в любом актуальном споре – не по площадке, так сказать, а по сути.

Если возникает общественный интерес в какой-то теме, если у этой темы есть правочеловечная составляющая или правочеловечный аспект, то и люди, и те, кто противостоят человеку – бизнес или государство, – должны увидеть перед собой Уполномоченного по правам человека и скорость его реакции. Это и есть представление о справедливости или несправедливости! Чего совершенно точно сейчас нет: на заре 2000-х или в конце 1990-х предполагалось, что Уполномоченный по правам человека является ещё палатой мер и весов. Он – носитель канона. Это он объясняет, где есть про права человека, а где нет. Мне кажется, что в 10-е и 20-е годы нового века уже никто не предполагает, что Уполномоченный будет разъяснять, что про права человека, а что не про права человека. Сейчас запрос изменился: если ты считаешь, что это про права человека – действуй! Татьяна Москалькова может говорить: «Нам кажется, что это про права человека». Ей отвечают: «Это понятно, что про нарушение прав человека. Делать-то что?!» Запрос на действие сейчас – более актуален, чем запрос на толкования. Хотя в некоторых случаях необходимость в толкованиях еще возникает. Но уже проторена эта дорожка: «Давайте спросим Конституционный суд. Спросим Европейский суд по правам человека». Толкователи уже есть. От всех требуется действие. Но одновременно мне кажется, что конкретных

формул действий стало у всех меньше. Возможности у любого института в России серьезно меняются.

Я – член СПЧ (Совета по правам человека при Президенте РФ. – *Ред.*). С Советом ничего произойти не может. Мы советуем президенту и даже иногда не знаем, услышал он или нет. Очень редко, когда что-то доходит до конкретного действия. И я думаю, что сегодня во всех институтах происходит такой пересмотр смысла института, даже деинституализация. Ну то есть зачем идти долгим путем, когда нужно прочитать закон, потом понять, какие у тебя есть проблемы, потом попытаться решить проблему, потом дойти до Уполномоченного и сказать: «Вот, я хотел здесь поучаствовать в решении. Вот я в суде не смог ничего добиться и т.д.». Ведь большинству всё-таки понятно, что ты должен сделать для решения своей проблемы – попасть на прямую линию с президентом. И всё! Такой путь – развал институтов, усиление только одного института. И так сейчас везде. Я вижу в этом проблему.

МИССИЯ 7: ОБЕСПЕЧИТЬ УСТОЙЧИВОСТЬ В НЕУСТОЙЧИВОМ МИРЕ

Есть еще одна вещь, о которой нужно сказать. Думаю, что именно сейчас коронакризисная ситуация поставила нас в зону особой турбулентности и неопределенности. У меня возникает вопрос: каким должен быть институт, который, по идее, должен обеспечить устойчивость в неустойчивом мире?! При этом важно обеспечить устойчивость и гибкость одновременно. Например, защищать трудовые права в условиях, что все распределенные и непонятно, где живут, непонятно, где работают, и непонятно, как это всё происходит. Теперь защита прав и представление интересов требует какой-то гибкости, понимания самого смысла защиты права на труд. Это же не право на профсоюз как таковой. Мне кажется, что для Уполномоченного есть потенциал предлагать возможные «точки сборки» этого краеугольного смысла. Мы сейчас очень нуждаемся в возникновении точек сборки. Важно, чтобы вокруг чего-то конвенционально важного можно было обсуждать представление о том, что такое

гибкое, а что такое сдача позиций. И я думаю, что сейчас прямо гиперактуальна эта гуманитарная миссия института Уполномоченного по правам человека: организовывать общественные дискуссии, заниматься тестированием на основании кейсов-обращений, советоваться с учеными, думать самим или с органами власти, как выглядит в этом неопределенном мире определенность, восстановление и защита самих институтов обеспечения прав человека. Не то что это будет единственное правильное решение, но в некоторых случаях надо искать принципиальный подход. Представьте, что мы попали в туманность, что-то рушится и нужна пересборка этого разрушенного. При этом важно понимать, что человеческое достоинство – это смысл и некий экзистенциальный результат. А форматом может быть конкретное право человека. Недавно мы в СПЧ спорили о том, должны ли люди во время пандемии быть в тюрьме, где нет возможности самоизоляции и все подвергаются риску заболеть? Или, может, тех, кто не в тюрьме, а в предварительном заключении, их нужно сейчас под арест, но домой? Нетривиальная задача. И эта задача одновременно связана с тем, что эти люди имеют право на жизнь. Ситуация с COVID – это право на жизнь. А их окружение имеет право на жизнь? А семьи, в которые они вернутся, имеют право на жизнь? Как быть в этой ситуации? Поэтому, конечно, предполагается, что Уполномоченный думает не только о человеческом достоинстве и об обеспечении права на жизнь, но о пени-

тенциарной системе, о том, как она должна очень быстро модернизироваться прямо сейчас, для того чтобы очень быстро снизить уязвимость человека и уязвимость его прав. Уполномоченный по правам человека не просто так думает. Он всегда думает применительно к статусу, обеспечительной системе, конкретному праву и т.д. Сейчас мир стремительно меняется. И вокруг нас постоянно возникают туманности (зоны неопределенности), и носятся обломки стереотипов и «остатков зачатков» здравого смысла. Но одновременно с неопределенностью становятся видимыми иные системы, значимые для прав человека. Это что значит? Например, выяснилось, что право на образование может просто упереться в элементарную недоступность 3G-модема. Получилось, что право на образование уперлось совсем не в систему образования. Но и к системе образования у нас возникают вопросы. Непросто и в том, какой должна быть экономика семьи, чтобы обеспечить образование в такой непростой ситуации.

С одной стороны, требуется реакция, когда общественный институт есть и его нужно просто «пнуть», чтобы он выполнял свои функции. А с другой стороны, выяснилось, что возникли другие значимые, иные институты и повестки дня. И если говорить о гуманитарной миссии Уполномоченного, то он должен обратить внимание на новую композицию институтов обеспечения прав человека в условиях неопределенности и предложить «точку сборки/пересборки» для обеспечения сугубого содержания права человека.

Возможности жизни в ситуации неопределенности

У нас возникли не только новые угрозы, но и новые возможности. Вдруг возникли институты, альтернативные государственным, обеспечивающие права человека. Но они не могут существовать сами по себе. Их нужно стимулировать, их нужно государственно поддерживать, просвещать, дополнительно финансировать. Это и есть гуманитарная миссия в условиях неопределенности. Люди вдруг стали в субъектном положении. Они вдруг впервые осознали, чему ребенка учат. Обстоятельства сложились так, что они вдруг вынуждены были в это влезть. А посмотрите на сотрудников различных организаций. Они вдруг осознали, что очень много времени проводят в совещаниях о том, что и так знают. Оценили свою свободу.

Центр «ГРАНИ» сейчас проводит очень много анализа и разработок по снижению административных барьеров и неравенств, повышающих уязвимость разных групп. И стали видны интересные вещи. Вот государство сказало, что выделит деньги родителям с детьми. Из-за массового обращения сразу же рухнул сайт «Госуслуги.ру». Я знаю, каким неповоротливым монстром является государство. Как долго нужно что-то согласовывать, чтобы куда-нибудь что-нибудь внести на этот сайт «Госуслуги.ру». И вдруг через три часа на «Госуслуги.ру» появляется просто ответвление. Они создали специальный дополнительный вход только для этой услуги. Пишут: «Обращайтесь прямо сюда». Я охнула, потому что я такой гибкости и актуальной быстроты вообще не ожидала от государства. Как-то же оно сделало это?! Понятно, что далее возникли другие сбои. И все же. Оказалось, что в каких-то случаях государство может прекратить свое административное чванство и что-то быстро сделать навстречу интересам человека. И вот появляется прототип, который потом, дорабатываясь, может стать значимой для прав человека практикой. И вот тогда и нужен институт Уполномоченного по пра-

вам человека, который будет говорить: «Ребята, но ведь у нас это получилось, и здесь мы уже попробовали – теперь давайте распространим на другие задачи». И дает свои разъяснения, как освоить человеку эти новые возможности. А значит, уменьшает неравенства и уязвимость человека, не понимающего, что происходит.

Чем хорош Дмитрий Жебелев на заседаниях оперативного штаба по коронавирусу Пермского края? Он – тот человек, который постоянно пытается что-то объяснить. Я вообще в этой роли ждала наших Уполномоченных. Особенно по правам ребенка, которая вообще, похоже, молчала в ситуации максимального вызова детям и семье с детьми, хотя должна была постоянно «переводить на народный» то, что происходит, и разъяснять предпринимаемые меры. Важно понимать, что если люди уже научились получать информацию удаленно, то и государство перестроилось. У правительства в картинках нарисовано, как нужно ходить на работу, как ходить в больницу. В картинках! Люди это понимают. Что это значит? Возникла новая практика, которая человеку соразмерна. Граждане научились получать информацию на сайте правительства или в телеграм-канал – так пусть правительство это и дальше поддерживает. У нас появились новые возможности. Кто-то должен извлечь выгоду из неопределенности и видеть новые точки пересборки?

Впереди у нас довольно тяжелое время. Кризисы разнообразные – коронакризис, просто экономические кризисы, кризисы, которые возникают из-за безработицы и оттого, что мы мало можем говорить ясно и еще меньше говорим правдиво, это очень серьезные проблемы. И поэтому, чем четче Уполномоченный определит площадки, темы, которые он считает максимально пригодными для того, чтобы собирать мнения, про-

блемы, возможности реализации, которые будут одновременно являться вот этими точками сборки, попытками переосмыслить повестку дня, потому что она реально изменилась, – тем будет лучше и правильнее для гуманитарной миссии. Я в этом глубоко убеждена. При этом важно сохранить устойчивость. Устойчивость, связанную с тем, что нам всё равно: профсоюз – не профсоюз, но человек труда и его достоинство должно быть защищено. Трудовые отношения должны быть ясными. Самозанятые или не самозанятые – должно быть ясно человеку. Он должен про это понимать. И я всегда надеюсь на человека самостоятельного. При этом я не полагаю, что тут же все начнут быть самостоятельными и пестовать свою самостоятельность. Я считаю, что самостоятельность – вещь пульсирующая. Но я хочу, чтобы у человека была возможность хоть в какой-то момент стать самостоятельным, чтобы он осознал, какой это кайф – быть самостоятельным. И чтобы он потом это чувство свое самостоятельности лелеял, потому что это в том числе и основание, чтобы институт Уполномоченного существовал долго в современной России. Тогда он будет институтом не в чистом виде защиты, а институтом, поддерживающим самозащиту. А государство точно так же в свою группу интересов, в группу возможностей включит человека самостоятельного.

Возвращаясь к ранее сказанному, в уполномоченных органах быстро сообразили, что большинство людей обратится через «Госуслуги», и «расширили» узкие места этого современного инструмента. То есть понимали, что они – не единственные взрослые на Земле, что есть еще какие-то взрослые люди. Потому что сейчас может быть шанс для взрослых людей.

Я считаю, что самостоятельность – вещь пульсирующая. Но я хочу, чтобы у человека была возможность хоть в какой-то момент стать самостоятельным, чтобы он осознал, какой это кайф – быть самостоятельным.